

Н. Л. Пушкарева

<http://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

✉ pushkarev@mail.ru

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Россия, Москва)

«НЕ ЖЕНСКОЕ ДЕЛО»? К ПРОБЛЕМЕ ТРАДИЦИЙ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В СЕМЬЯХ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ

Аннотация. Статья посвящена антропологии академического сообщества в контексте женской истории и основана на опубликованных воспоминаниях современниц, их устных историях (записанных автором), материалах периодической печати. Основная рабочая гипотеза — предположение о сохранении традиций академической жизни из поколения в поколение и выработке таких ее черт, которые сформировали свои устои и неписанные правила, соблюдаемые представителями разных поколений научных работников. Автор проанализировала детали образа жизни трех поколений женщин-ученых в СССР и России, достигших профессионального признания (защитивших докторскую диссертацию и имеющих высокую цитируемость работ). Первое — женщины, рожденные в 1917–1949 гг.; второе — дети бэби-бума послевоенного времени, 1950–1969 гг. рождения; третье — появившиеся на свет в 1970–1999 гг. Сопоставление отношения женщин-ученых к собственным достижениям в сравнении с успешностью их подруг, не ставших учеными, жизненных установок дочерей современных женщин-ученых с установками старших поколений привело к выводу о коррекции гипотезы. Работа с воспоминаниями об учебе и пути в науку, субъективными оценками успехов и поражений привела к выводу о значительных трансформациях в мотивациях женщин-ученых в России на фоне перемен в общественной жизни страны и в повседневно-бытовых практиках за последние 70 лет. Высокая мотивированность, ориентированность на самопожертвование во имя Науки у женщин старшего поколения сменилась жесткой рациональностью и куда меньшей сентиментальностью у их дочерей.

Ключевые слова: советская наука, женщины-ученые, академическая повседневность, женская история, антропология научного сообщества, повседневные практики, профессиональная мотивация

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-78-10005 «Женский голос российской науки. 1800–1980-е гг.».

Для цитирования: Пушкарева Н. Л. «Не женское дело»? К проблеме традиций и преемственности поколений в семьях российских женщин-ученых // Шаги / Steps. Т. 11. № 2. 2025. С. 76–92. EDN: EVZOSG.

Поступило 4 апреля 2024 г.; принято 21 марта 2025 г.

N. L. Pushkareva

<http://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

✉ pushkarev@mail.ru

*The Russian Academy of Sciences Miklouho-Maklay
Institute of Ethnology and Anthropology
(Russia, Moscow)*

“NOT A WOMAN’S BUSINESS”? ON THE PROBLEM OF TRADITIONS AND CONTINUITY OF GENERATIONS IN RUSSIAN FAMILIES OF WOMEN SCIENTISTS

Abstract. The anthropology of the academic community is an understudied topic in Soviet women’s history. This article examines it and draws on published memoirs of female contemporaries, their oral histories (recorded by the author), and periodicals. The main working hypothesis is that traditions of academic life have been preserved from generation to generation and that features have developed that have formed stable traditions and unwritten rules observed by representatives of different generations of academic workers. The author analyzes details of the lifestyle of three generations of female academics in the USSR and Russia who achieved professional recognition and had highly cited publications. The first are women born in 1917–1949; the second are children of the post-war baby boom, born in 1950–1969; the third — those born during 1970–1999. Comparison of the attitude of female scientists to their own achievements in comparison with the success of their friends who did not become scientists, the life attitudes of the daughters of contemporary female scientists with the attitudes of older generations led to the conclusion about the need to correct the hypothesis. Working with memories, analyzing subjective assessments of successes and failures one can conclude that significant transformations in the motivations of female scientists in Russia are connected with the changes in the public life of the country and in everyday life practices over the past 70 years. High motivation, focus on self-sacrifice in the name of Science among older women has been replaced by strict rationality and much less sentimentality in their daughters.

Keywords: Soviet science, women scientists, academic everyday life, women’s history, anthropology of the scientific community, everyday practices, professional motivation

Acknowledgements. Supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-78-10005 “The Female Voice of Russian Science, 1800s–1980s”.

To cite this article: Pushkareva, N. L. (2025). “Not a woman’s business”? On the problem of traditions and continuity of generations in Russian families of women scientists. *Shagi / Steps*, 11(2), 76–92. EDN: EVZOSG. (In Russian).

Received April 4, 2024; accepted March 21, 2025

Тема антропологии академической жизни, столь властно ворвавшаяся в устоявшийся и признанный спектр исследовательских тем начала XXI в. [Пушкарева 2012а; Валькова 2012; Комарова 2013; 2016], неизбежно ставит перед аналитиком вопрос о путях формирования, а главное — о возможностях сохранения традиций, выработанных работниками интеллектуальной сферы в процессе их каждодневного труда.

Как и в других сферах общественного бытия, традиции и устоявшиеся практики в жизни интеллектуалов служат стабилизации и воспроизводству привычных форм отношений (в данном случае между научными работниками разных возрастов, полов и рангов). В обыденных практиках (обычаях) передача накопленного опыта осуществляется непосредственно, в конкретной ситуации. Что же касается традиций (не имеющих детальных и жестких предписаний), то об их существовании недавно принятые на работу сотрудники НИИ, а тем более члены семей научных работников, узнают, как правило, опосредованно, описательно. Это не удивительно. Традициями считаются установления, поддерживаемые не писаными правилами, а «силой общественного мнения» [Shils 1981: 7], путем воспроизведения целостных фрагментов прошлого опыта. Социологи, антропологи, историки определяют актуальность обращения к традициям, а с ними и к теме преемственности, необходимостью сохранения ценностного потенциала социальных достижений, обусловленных академической жизнью и культурой сообщества научных работников, т. е. всей совокупностью норм и ценностей сотрудников, работающих в системе Российской Академии наук [Прохоров 2010].

«Выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи аккумулирован и воспроизведен в различных человеческих коллективах» [Бондарев 2014: 55] (а это и есть традиция), может оказаться сильнее формальной власти и ее распоряжений. Потому-то изучение такого группового опыта, истории соблюдения академических правил, включая неписаные, — это аналитическая линия к осмыслению особенностей отдельных групп, в том числе гендерных [Долгова, Стрельцова 2019], путь к пониманию динамики ценностных ориентаций поколений ученых и сконструированного социального порядка, поддержания равновесия и бесконфликтности в рамках одного института или целой Академии.

Приступая к изучению бытовых практик разных поколений научных работников, хотелось думать, что каждое новое поколение не забывает, а напротив — приумножает опыт старших. С этой рабочей гипотезой на протяжении последней четверти века довольно успешно работалось и уже получены некоторые результаты. Проведено немало исследований, в том числе об асимметрии в зарплатах мужчин и женщин в российской науке и «стеклянном потолке» для женщин, защитивших докторские диссертации [Пушкарёва 2012b], о структурообразующих и отличительных чертах женской научной повседневности: о работе без выходных и праздников, о своеобразии досуга (который часто неразделим с работой),

бюджете времени в течение суток [Пушкарёва 2021], о помощницах по хозяйству и о круге домашних забот в восприятии этих интеллектуалок [Пушкарёва, Секенова 2020], об образах женщин-ученых в фольклоре и общественном мнении [Пушкарёва 2006].

Вопрос об опыте поколений, поставленный в данном тексте, — сохранение традиций детьми и внуками женщин, занимающихся интеллектуальным трудом в научно-исследовательских учреждениях, — продолжает эти изыскания. Найти семьи научных работников, в которых бы не менее трех поколений женщин посвятили себя науке, оказалось почти невозможным (в общей выборке они составляют менее 1%), поэтому, формируя свою эмпирическую базу, мы ставили задачей просто собрать сопоставимое число рассказов от женщин разных научных поколений, представляющих разные профессии (включая прежде всего, конечно, научные династии). Отметим походя, что династиями в науке стали гордиться лишь в последние годы, а до этого передача профессионального мастерства и традиций среди представителей одной фамилии десятилетиями именовалась «семейственностью» и не приветствовалась.

Приступая к генерализации выводов, полученных в результате эмпирических изысканий, мы старались учесть и контекст перемен, и выводы современных ювенологов, центрирующих свои изыскания на процессах модернизации применительно к теме демографических генераций. Они, изучая российское общество XX в., в частности, выделяют респондентов трех поколений: 1) рожденных до 1952 г. (полагая, что этот год завершал особый демографический цикл, характерный для экстремального времени войны и послевоенной разрухи), 2) рожденных в годы оттепели и ранней стагнации (между 1952 и 1970 гг.) и 3) рожденных после 1970 г. Общим их ожидаемым выводом является тривиальное, в сущности, умозаключение о том, что культура последующих поколений оказывается более модернизированной, чем предыдущих [Вассерман 2004], а сами эти процессы за последние полвека (1970–2020-е) еще и ускорились [Бурко, Вассерман 2022].

Попытка приложить эти выводы к истории советской науки в ее гендерном аспекте (заставившем изучать именно женскую повседневность в академическом сообществе) позволила сделать следующие важные наблюдения.

Старшее (первое) поколение женщин в советской науке, действительно, своеобразно и в известной степени уникально. Оно вспоминает о своем приходе в науку с ностальгической восторженностью и стремлением приукрасить пережитое. Это отличие поколенческого свойства отмечено, как ни странно, и П. Бурдьё, описавшем совсем не наше, а французское научное сообщество — но не коснувшемся, к сожалению, этой темы в гендерном аспекте. Зато он ввел в науку понятие «академическое поколение», которое может не совпадать с демографическим (когда какие-то события в интеллектуальной сфере резко меняют сообщество, как, например, события 1968 г. во Франции) [Bourdieu 1988: 147].

В России женщины-ученые первого, старшего, поколения, рожденные до начала 1950-х, были воспитаны еще раннесоветскими призывами женщин в науку. В 1920—1930-е годы академические кадры из народа (и в том числе женские) были идеей фикс организаторов новой науки, решительно отказавшихся от трудоустройства выпускниц Бестужевских курсов и европейских университетов (для них по большей мере были уготованы обслуживающие должности хранительниц, библиотечарш и т. п.) [Долгова, Стрельцова 2019: 106]. Женщины старшего советского научного поколения выучились в послевоенное десятилетие и вступили в науку в момент ее востребованности, «когда зарплаты были большими» [Пушкарёва 2016]. Свое положение в профессиональном поле они воспринимали в начале XXI в. (когда мы начали сбор воспоминаний) как стабильное, зависящее от их собственных усилий, а не от контекста, не от внешних обстоятельств. Рационально понимаемая стабильность рождена их собственным сопоставлением возможностей и ограничений профессионального, материального, личностного и статусного порядков, причем ограничений, ими успешно преодоленных (это доктора наук или, в редких случаях, члены-корреспонденты РАН).

Их рассказы о себе подтверждают: они не изменили профессии в 1980—1990-е годы, когда многие мужчины ушли из науки в бизнес и иные области, отказываясь от нищенской зарплаты в РАН. Размышляя о своем жизненном пути, они говорят о том, что им повезло «рано заявить о своей самостоятельности», иметь счастье близкого общения с ныне уже легендарным поколением ученых, родившихся до 1917 г. и сформировавшихся в годы первого советского призыва в Науку [Фрумкина 1997: 118]. Для многих это поколение старших было образцовым, они и не считали возможным для себя с ним разрывать. Немалое число ученых из этого поколения имеют опыт социальной мобильности (родились в семьях, где родители не имели высшего образования, жили вдалеке от столичной и университетской науки, но хотели стать ее частью, как замечено некоторыми внимательными наблюдателями [Berger 1990; 2000: 31]. В известной мере старшее поколение женщин-ученых — «поколение иллюзий»; если в Западной Европе это ниспровергательницы старых устоев, участницы революции 1968 г. [Bude 1990: 39], то у нас в России — те, кто был воспитан в духе ожидания лучшего (если не построения коммунизма, то приближения к более справедливому обществу), готовности жертвовать собой во имя него.

Подтверждением схожести взглядов того поколения могут служить фильмы об ученых времен хрущевской оттепели и раннего застоя, т. е. 1960—1970-х годов: «Девять дней одного года» (1961), «Иду на грозу» (1965), «Укрощение огня» (1971), «Открытая книга» (1973). «Удивительно, как на всех фотографиях, без исключения, отобразились приметы пятидесятих: выражения лиц, исполненные светлых надежд, характерные прически, вышитые блузочки, отложные воротнички, спортивные костюмы, мол, достаточно ребячества, мы без пяти минут специалисты сво-

его дела» [Филатов 2004: 15]. Некоторые из женщин-ученых того времени совершили подвиг, сумев и детей воспитать, и сделать громадный рывок в науке — создать собственные научные направления, защитить две диссертации, а подчас и достигнуть уровня членов-корреспондентов РАН.

В 20 метрах, разгороженных на две клетушки, на аспирантскую стипендию и зарплату инженера <...> жили с двумя дочерьми и няней, которая всякий раз оказывалась временной. Это была откровенная нищета. Можно лишь поражаться <...> тому, что эти условия не исказили ее характер, где доминантой оставалась <...> готовность в своих изысканиях идти до конца, чего бы это ни стоило, —

размышляла об академике, экономисте Т. И. Заславской (родившей дочерей в 1953 и 1955 гг.) ее коллега-филолог [Фрумкина 2008].

Второе поколение женщин-ученых (1950-х — начала 1960-х годов рождения) — это в значительном числе те, кого их матери хотели видеть именно учеными. Эти матери — научные работницы — вспоминают, что вслед за эпохой политической оттепели пришли времена застоя, о которых сами они говорят не без иронии и приводят бытовавшее тогда выражение «В науку пошел середняк» (парафраз известного выражения из «Краткого курса истории ВКП(б)» о 1929 г. «В колхозы пошел середняк»). С сокращением числа энтузиастов, готовых жертвовать всем ради науки, в российских НИИ в 1965—1985 гг. появилось множество случайных людей. В этом не было уникальности; аналогичная ситуация сложилась и в Европе, и в США: в научную область хлынул поток молодежи, родившейся уже после войны и не готовившей себя «к долгому и трудному пути» [Винер 2001: 236]. В поколении «шестидесятниц» можно найти не менее двух основных мотивов не уходить из этой профессиональной сферы. Во-первых, это мотив «психологического дохода» (моральной компенсации материальных трудностей радостью общения с интеллектуалами, возможностью внутреннего роста, самоуважения). Во-вторых — мотив понимаемой материальной перспективы (медленного, но все же роста благополучия и увеличения окладов и зарплат).

Неотъемлемой частью академического быта, по воспоминаниям представительниц второго научного поколения, был коллективизм. Практически все, говоря о своей жизни в 1960-е и позже, вспоминают о совместных турпоходах, участии в демонстрациях, встрече космонавтов, о выездах на природу. В 1970-е к этому добавились совместные празднования государственных праздников, подготовка к ним капустников, «конкурсов пирогов». 1980-е характеризуются как годы встреч с деятелями искусства и литературы (особенно гонимыми и непризнанными официальной властью) [Рютова 1994: 1320; Фрумкина 1997: 103, 119]. Эти черты в стиле досуга сотрудников академических учреждений выглядели привлекательными, друзья из других сфер и профессий приходили на такие встречи, завязывались знакомства на всю жизнь.

Институционально это предопределялось жесткой регулярностью заседаний (одни и те же дни и часы), а также тем, что вход в институты был свободным (без пропускной системы) [Рютова 1994: 1321]. При этом трудовая повседневность (как образ жизни сотрудников академических НИИ) в доперестроечное время была разительно отличной от образа жизни всей остальной части работающих: не было обязательных ежедневных присутствий, было «решено отменить табельный учет научных сотрудников» [Там же: 1322] (в 1950-е годы существовавший), свободный бюджет времени был очень притягателен. Для некоторых категорий научных работников, особенно со статусом старших научных сотрудников (поскольку престиж науки еще сохранялся), были значимы высокие оклады в НИИ. Например, 400 рублей оклада доктора наук, старшего научного сотрудника, в нашем институте были сопоставимы со ставкой народного артиста СССР [Пушкарёва 2016].

Для этого второго послевоенного поколения научных сотрудниц было очевидным негласное разделение коллег в институтах академического профиля на приближенных к властному ресурсу (завотделами, замдиректора, члены ученых советов) и удаленных от него неформальных лидеров. Последние чаще всего не были членами советов, не посещали защит, им систематически «не давали» аспирантов, не включали в списки на премирование, наконец, их в советские времена даже не выпускали в составе общих делегаций от НИИ за рубеж, но... именно их работы там, за рубежом, и были известны. Женщины были и среди таковых (хотя их было немного, много меньше, чем мужчин). Существование в такой системе координат удовлетворяло личные амбиции и давало ощущение независимости, признанного инакомыслия:

После 1968 г. сама я по возможности дистанцировалась от всего, что происходило в институте. <...> Я исправно выполняла план, который сама же и составляла <...> я дорожила своей независимостью. <...> Сегодня не просто передать дух московской жизни 70-х годов. <...> Жили интенсивно, сложно, конфликтно, многие — надрывно [Фрумкина 1997: 167–168].

Среди «непризнанных» и необлеченных властью в науке в те годы было немало евреек. Именно для представительниц этой национальности создание особых сетей взаимопомощи в научной среде было практикой выживания, адаптации в академическом сообществе. «У меня всегда было много предложений поработать за границей, но долгие годы меня туда просто не выпускали — я не была членом партии», — сообщила И. П. Белецкая; комментируя эти слова, интервьюер замечает: «Сколько возможностей было потеряно из-за несоответствия анкеты формальному канону» [Изварина 2004]. Это подтверждают и воспоминания Р. М. Фрумкиной, которой (по ее словам) ее подруга В. В. Люблинская сказала о носителях научной власти того времени: «Да жидоморы они, Рита!» [Фрумкина 1997: 174].

И все же не гендерные и тем более не национальные барьеры были главной отличительной чертой этого поколения женщин-ученых. О другой, действительно главной черте точнее всех высказалась профессор-филолог, сравнив своих ровесниц с современной научной молодежью, весьма прагматично настроенной:

Люди нашего поколения — и мы, выпускники 1960 года, в их числе, — <...> были, конечно, идеалистами и мечтателями. Мы были воспитаны на высоких нравственных идеалах и потому были склонны идеализировать действительность. Этот идеализм не позволил нам приспособиться к разительно изменившимся в последние десятилетия обстоятельствам жизни [Зубкова 2005], —

т. е. не позволил остаться все теми же — ценящими любое участие в своей судьбе, нетребовательными и жертвенными. Вспоминая о своем приезде в «родное институтское гнездо» после долгого перерыва, когда-то работавшая в московском академическом институте, а ныне живущая далеко от столицы профессор-физик благодарно отметила (как о чем-то необязательном, как о подарке и проявлении внимания к ней): «В Физпроблемах мне немедленно выдали связку ключей, пропуск “Вниз”, выделили ежедневный паек (командированным его обычно не давали), оставшийся в Москве от старой дружбы Института с гастрономом “Спутник”», также она отметила доступ к компьютеру и электронной почте [Рютова 1994: 1339–1340]. Удобные условия работы это поколение женщин-ученых считало неожиданным подарком, а не нормой, особое отношение к себе со стороны коллег-ровесников оценивалось ими как акт внимания «скромного Рыцарского Ордена Института» [Там же: 1340] (поскольку ни о какой теме домогательств и речи не могло быть в разговорах того времени).

Анализируемая генерация женщин-ученых доказала, что семейные межпоколенные трансферты (в том числе переданная следующему поколению мысль о необходимости не просто высшего образования, но именно научного пути в будущем) явили собой овеществленную форму общественного сознания, развитие которой содействовало интеграции — на базе включения в обиход, в «привычное» — ряда важных идейных концептов и принципов: приоритета «не личного», ответственности перед будущим, социального оптимизма [Темницкий 2018]. Это далеко не всегда нравится младшим, вошедшим в науку и преподавание в 2010-е годы: «Россия — страна с прочно засевшей традицией возрастной иерархии: тот, кто старше, априори умнее и опытнее, а значит, и право имеет большее. Меня с самого детства возмущало вот это...», — посетовала молодая исследовательница Дарья Вьюгина (26 лет, медиаменеджмент) [Научной жизнью 2020].

Третье поколение — женщин-ученых, рожденных после 1972 г. (дочери и даже внучки тех, кто чувствовал себя в науке первопроходцами), — как обнаружили опросы, хотят отдавать жизнь служению науке

далеко не с тем энтузиазмом, что первое и второе поколения. Их культура более модернизирована и более прагматична.

Сильно изменился стиль жизни научного работника. «Очень много времени уходит на оформление бумаг, написание научных статей. Раньше я и не думала, что на это будет уходить больше половины моего времени», — призналась молодая кандидат химических наук Мария Боровкова (сотрудница Университета ИТМО) [Блинникова 2017]. В одном из биографических нарративов родители-ученые, так и не сумевшие добиться того, чтобы их дочери и внуки пошли по их стопам (хотя для них они собирали уникальные домашние библиотеки), названы «чтецами неразрезанных книг»:

...сейчас Ал. Ал. <...> — заслуженный профессор и завкафедрой. <...> «Вот, — сокрушается он, — и библиотеку некому оставить. <...> А как жаль, замечательная была здесь научная школа, научная традиция». Он взял <...> большой кухонный ножик и пошёл в гостиную, разрезать сдвоенные страницы никогда никем за все сто лет не читанной книги [Лисюткина 2010].

Респондентки, рожденные в 1980-е годы и позже, выполнившие семейный проект (высшее образование, аспирантура, защита кандидатской), значительно отличаются по своим жизненным историям от матерей. Те были всецело ориентированы на то, чтобы быть не хуже братьев-мужчин или просто сверстников-мужчин («Он пытался развить мои способности, потому что он мечтал иметь сына, а родилась дочка, и вот он пытался во мне развить мужские какие-то навыки, чтобы ему со мной было интересно»¹), эти же часто упрекают родительниц в том, что их воспитали недостаточно женственными:

Мама мне говорила: «Учись гладить рубашки — в жизни пригодится!» И от нее же я слышала глубоко меня уязвлявшие высказывания типа: «Если б вы были мальчики!» Вот были бы сыновья — они бы нас и на даче там, и отвезли-привезли, а вот вы, девىцы... Так что вся моя сознательная жизнь — это доказательство, что я не хуже, чем если б я была мальчиком. А сейчас у меня две дочери — уже они мне читают морали, что я их воспитывала недостаточно женственными...²

Для многих представительниц младшего поколения научных работниц при выборе стези все так же важно иметь ежедневное общение с интеллектуалами на работе, поскольку «критерием успешности являются деньги, а назвать науку прибыльной сферой язык не поворачивается» (Елена Масталыгина, 29 лет, кандидат химических наук [Научной жизнью 2020]).

¹ Авторский архив (далее — АА). Врач-онколог, 65 лет. Интервью 28.02.2005 (Москва).

² АА. Филолог, 51 год. Интервью 5.02.2008 (Москва).

В качестве факторов, влияющих на динамику модернизированности поколения, сейчас обычно называют степень урбанизированности среды, в которой протекала социализация респонденток, семейное воспитание (немало современных научных работниц признается, что их матери тоже служили науке, например, Ирина Лившиц, завлаб, Университет ИТМО [Блинникова 2017]) и, конечно, качество и уровень полученного ими образования [Вассерман 2004; Бурко, Вассерман 2022]. Так или иначе, но становиться учеными в третьем поколении хотят далеко не все (даже получив научную степень) [Вольф 2009]. Мотивируя свое решение, они говорят, что не хотят быть похожими на «поколение матерей», которые по сей день «неспособны расслабиться». Они иначе понимают чувство самоуважения и собственного достоинства, не хотят быть жесткими к себе, завышать личные стандарты.

Заниматься же наукой «дискретно» сложно: если хочется продвигаться в науке, то надо постоянно быть «на острие», а это требует много времени и сил (Светлана Сенатова, 37 лет, кандидат химических наук [Научной жизнью 2020]).

Очевидно, что постулаты второго поколения женщин-ученых были сформулированы амбициозными, высокообразованными женщинами, выпускницами столичных университетов — МГУ и ЛГУ, МВТУ (ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана) и Технологического института в Ленинграде. Они рассматривали профессиональный успех как вершину жизненного успеха и «забывали» о других формах достижений (таких как прочная семья, долголетие престарелых родителей, нуждающихся в поддержке, контакт и дружба с выросшими детьми, достижение внутренней мудрости, проницательности, душевного покоя). Вырастая, дочери женщин-ученых, живя своим умом, не находят для себя в научной деятельности многого из того, что привлекало их матерей [Саралиева, Балабанов 2002: 112]. И все же не уходят из науки. Мотивация их похожа на прежние установки: сопричастность к работе над важной темой, психологический климат в коллективе, наличие интеллектуальной среды для общения. Коллеги-мужчины этих молодых женщин ищут менее трудоемкие, но более высокодоходные способы, чем занятие наукой [Проскурина (Яворович) 2002: 76; Мещеркина 1996], а женщины убеждают себя, что «свои рядом — важнее».

Профессор Т. М. Бирштейн — главный научный сотрудник Лаборатории теории и математического моделирования полимерных систем в Институте высокомолекулярных соединений РАН — так ответила на вопрос «Как бы вы расценили попытку кого-то из детей уйти в гуманитарную область?»: «Если это интересно — почему нет? Каждый должен заниматься тем, что ему по душе» [Хохряков 2007]. Но «по душе» сейчас научной молодежи по большей мере то, что хорошо оплачивается. Жертвование чем-либо во имя науки не оправдано в их глазах. Немолодая состоявшаяся

яся женщина-ученая, отвечая на вопросы и излагая свою судьбу в виде структурированной и линейной научной агиографии, заметила:

Дети не пошли по моим стопам. <...> Дочь Аделя закончила хим-фак БГУ, но по специальности не трудится, и я этому очень рада. Все-таки это не женское дело [Курамшина 2005].

Коллеги-одногодки и просто женщины того же поколения научных работниц подтверждают это без восторга: «...это сегодня наша боль, мы теряем столько молодых умов» [Мухамедшин 2007]. В начале 2000-х годов абсолютное большинство (90%) получивших высшее образование женщин уже не видело ничего плохого в том, чтобы не искать способы самореализации в профессии, и готовы были зависеть от мужа и даже «хоть от кого» (но зависеть). Во Франции эта цифра была тогда в два раза меньше (50%), в США — всего 15% [Юров 2009]. Однако именно в России женщине с высшим образованием, а зачастую и научной степенью прямой дорогой стала дорога в несамостоятельность. Низкая зарплата и высокая сложность труда — главные «минусы» профессии научного работника [Саралиева, Балабанов 2002: 112], отсюда и вывод, который делается внучками женщин-ученых, создававших научные направления в 1950—1960-х годах: лучше *зависеть*, чем *пахать*, быть на иждивении, чтобы не жертвовать собой во имя науки, поскольку — как показал опыт прежнего поколения и общие идейные установки века нынешнего (с призывом «Назад, в семью!») — такую жертву никто не заметит [Маршак, Рожкова 2015]. Сравним этот вывод с биографическим рассказом женщины-ученой старшего возраста:

В минуты тоски по годовалому малышу, которого я была вынуждена оставить на попечение мамы, я брала в руки маечку сына и, вдыхая его запах, начинала плакать. Соседка по комнате всегда находила слова для утешения: «Когда ваш сын вырастет, он будет гордиться своей мамой-ученым», — говорила она. Нам казалось, что мы — лицо нации, нашей науки, хотели быть первыми [Арапова 2005].

Современная же научная молодежь рассуждает по-иному:

...больших успехов и нормальной зарплаты можно добиться только будучи вовлеченным в деятельность полностью, без выходных и праздников. Мужчина способен себе это позволить <...>, тогда как женщина, как правило, отдает предпочтение семье (Елена Масталыгина, 29 лет, кандидат химических наук [Научной жизнью 2020]).

Есть и другие рассказы (но их меньше), в которых старшее поколение возлагает на самых младших в семье девочек немалые надежды именно в аспекте продолжения научной традиции:

Дочь — врач-кардиолог <...>. Вся надежда на внуку. Мне кажется, что внучке не безынтересно бывать в лаборатории. Ребенок провел уже первые научные эксперименты и выступил с докладом на школьной конференции. <...> Несмотря на то, что наши дети не избрали науку способом существования, они хорошо усвоили, что если ты будешь не безразличен к тому делу, которое делаешь, то все получится. Люби делать то, что ты должен делать... [Куприянова 2006].

Вообще же престиж научной деятельности в мужском сообществе выше, чем в современном женском [Андреевкова 2009: 5]. И чем выше уровень образования опрошенных, тем реже они хотели бы видеть своих дочерей учеными [Бердашкевич 2000]. Опрос десятилетней давности (2014 г.) показал, что только 32% россиян были бы рады, если бы их сын или дочь решили стать научными работниками. А многие бы совсем не обрадовались такому выбору: ученые — люди «чудаковатые», их работа кажется 63% опрошенных «скучной», 50% считают ее «опасной», а жизнь — «лишенной развлечений» (50% ответивших) [Полякова, Чернович 2015]. Да и доказывать свою профпригодность, «когда мужчина, твой ровесник и равный тебе по статусу <...>, сразу воспринимается как эксперт», а «мне нужно приложить некоторые усилия к тому, чтобы меня слышали» (Екатерина Орел, 37 лет, искусствовед [Научной жизнью 2020]), как-то не очень хочется.

Если признать молодежь главным субъектом социальных трансформаций, а жизненным успехом — итог самоутверждения личности в заданной среде, то станет яснее, зачем нами проведено сопоставление образов жизни, жизненных миров и ценностных установок трех поколений женщин-ученых. Академическая традиция — значимая сущность жизни научного сотрудника, динамичная и пластичная форма ее выражения. Процесс преемственности академической традиции включает и консервативную часть — накопление и перетекание старого опыта в новый (что обеспечивается самой социализацией нового поколения, детством и юностью, проведенными в академической среде), и часть креативную — аккумуляцию полезного опыта с переносом его в новые реалии, зачастую — пересмотр устоявшихся норм. Чего же в истории российского академического сообщества оказалось больше?

Получившие высшее образование и защитившие первую (кандидатскую) диссертацию дочери женщин-ученых — это личности, уже имеющие жизненный опыт и реализующие эффективные жизненные стратегии. И главное, среди успешных молодых женщин, избравших научную стезю, более половины (53%) составляют замужние, обладающие безусловной социальной ответственностью [Возьмитель 2021: 80]. Их отказ от образа жизни матерей и бабушек, отдававших все время жизни в науке, объясним изменившейся реальностью, то есть вовсе не сломом академической традиции и желанием пренебречь академической культурой, для которой ранее была характерна (на протяжении десятилетий истории со-

ветской науки) большая коллегиальность, большая готовность к самопожертвованию, большее восприятие научной работы не как профессии, а как образа жизни.

Источники

- Арапова 2005 — *Арапова Э.* Заглядывая в тайны женских сердец (Из интервью к. пед. н., доцента Б. Тажиковой) // Эхо Оша. 2005. 1 марта. URL: <http://echoosha.narod.ru/March05/hist.htm>. [В настоящее время недоступно].
- Винер 2001 — *Винер Н. Я.* — математик / [Пер. с англ. Ю. С. Родман, Н. А. Зубченко]. [М.]: Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
- Блинникова 2017 — *Блинникова Н.* Женщины-ученые о работе, вдохновении и волшебстве науки // Новости Университета ИТМО. 2017. 11 февр. URL: https://news.itmo.ru/ru/university_live/leisure/news/6427.
- Вольф 2009 — *Вольф Н.* Феминизм: миф об успехе // Новая Европа. 2009. 12 дек. URL: http://n-europe.eu/article/2009/12/12/feminizm_mif_ob_uspekhe. [Архивная копия доступна через Web.archive.org].
- Зубкова 2005 — *Зубкова Л. Г.* В Москве только один университет // Клуб выпускников филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. [2005]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~alumni/memories/zubkova>. [Архивная копия доступна через Web.archive.org].
- Изварина 2004 — Академик И. П. Белецкая: «Додумать — и сделать так, как надо...» / Беседу вела Е. Изварина // Наука Урала. 2004. № 2. URL: http://www.uran.ru/gazetanu/2004/01/nu02/wvmnu_p4_02_012004.htm.
- Куприянова 2006 — *Куприянова О.* Профессор Ирина Ившина: Желаю каждой женщине царствовать в чьем-то сердце // Российская Академия наук: [Дайджест]. 2006. 6 марта. URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=22e3900d-3472-4ed0-b42d-77e4c8a07e2b&.ky>.
- Кураמיшина 2005 — *Кураמיшина Г. У.* науки женское лицо: [Интервью с чл.-корр. АН Республики Башкортостан Н. К. Ляпиной] // Ватандаш = Соотечественник. 2005. Сентябрь. URL: <https://vatandash.bashkortostan102.ru/index.php?article=451>.
- Лисюткина 2010 — *Лисюткина Л.* Чтец неразрезанных книг // Livejournal.com. 2010. 22 авг. URL: <https://shaherezada.livejournal.com/218418.html>.
- Мухамедшин 2007 — *Мухамедшин Р.* Успех академика Белецкой // Республика Татарстан. 2007. 2 нояб., № 219 (26075). URL: <https://rt-online.ru/p-rubr-obsh-1271>.
- Научной жизнью 2020 — Научной жизнью живете? Монологи женщин-ученых о своей работе и стереотипах // РИА Новости. [Обновлено] 2020. 3 марта. URL: <https://sn.ria.ru/20181116/1532484985.html>.
- Рютова 1994 — *Рютова М. П.* «Есть Ученый совет и семинар по средам. Этого достаточно» // Успехи физических наук. Т. 164. № 12. 1994. С. 1320–1339.
- Филатов 2004 — *Филатов А.* Любят с этих фотографий океаны биографий // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1953–1958 годах: Воспоминания выпускников / [Редкол.: С. С. Ангелина и др.]. М.: Макс Пресс, 2004. С. 18–26.
- Фрумкина 2008 — *Фрумкина Р.* Татьяна Заславская, академик // Полит.Ру. 2008. 28 февр. URL: <http://www.polit.ru/author/2008/02/22/zaslav.html>. [Архивная копия доступна через Web.archive.org].
- Фрумкина 1997 — *Фрумкина Р. М.* О нас — наискосок. М.: Рус. словари, 1997.
- Хохряков 2007 — Вопреки горению изб / Вопросы задавал В. Хохряков // Санкт-Петербургский университет. № 8 (3756). 2007. 30 мая. URL: <http://www.spbumag.nw.ru/2007/08/6.shtml>. [Архивная копия доступна через Web.archive.org].

Юров 2009 — Юров И. Большинство российских женщин хотели бы стать содержанками // Новый регион — Екатеринбург. 2009. 23 марта. URL: <http://www.nr2.ru/ekb/225178.html>. [Архивная копия доступна через Web.archive.org].

Литература

- Андрееenkova 2009 — [Андрееenkova А. В.] Отчет «Современное поколение ученых: ценности, мотивация, стиль жизни» / АНО «Центр прикладных исследований и программ». М.: [б. и.], 2009. URL: http://www.inop.ru/files/5_2_2008_195.pdf.
- Бердашкевич 2000 — Бердашкевич А. П. Российская наука: состояние и перспективы // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 118–123.
- Бондарев 2014 — Бондарев А. В. Вклад Э. С. Маркаряна в становление отечественных культурогенетических исследований // Культурогенез и культурное наследие / [Науч. ред. и сост. А. В. Бондарев]. М.; СПб.: Центр гуманистических инициатив, 2014. С. 31–55.
- Бурко, Вассерман 2022 — Бурко В. А., Вассерман Ю. М. Модернизационный синдром и доверие как факторы диспозиционной структуры: взаимосвязь в аспекте межпоколенных особенностей // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 52–63. <https://doi.org/10.31857/S013216250017388-9>.
- Валькова 2012 — Валькова О. А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века — 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образования и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы) / [Отв. ред. А. Н. Дмитриев]. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 809–848.
- Вассерман 2004 — Вассерман Ю. М. Анализ социокультурных последствий модернизации российского общества (некоторые результаты пилотажного исследования) // Ученые записки гуманитарного факультета. Вып. 7 / [Гл. ред. В. Н. Стегний]. Пермь: ПГТУ, 2004. С. 225–239.
- Возьмитель 2021 — Возьмитель А. А. Объективные и субъективные характеристики успеха постсоветской стилистической молодежи // Вестник Института социологии. Т. 12. № 4. 2021. С. 67–86. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.751>.
- Долгова, Стрельцова 2019 — Долгова Е. А., Стрельцова Е. А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97–107. <https://doi.org/10.31857/S013216250004014-8>.
- Комарова 2013 — Антропология академической жизни: традиции и инновации / Отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013.
- Комарова 2016 — Комарова Г. А. Антропология академической жизни: опыт интеграции наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 224–246.
- Маршак, Рожкова 2015 — Маршак А. Л., Рожкова Л. В. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 157–160.
- Мешеркина 1996 — Мешеркина Е. Введение в антологию мужской жизни // Судьбы людей: Россия XX век: Биографии семей как объект социологического исследования / Отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С. 298–325.
- Полякова, Чернович 2015 — Полякова В. В., Чернович Е. М. Что россияне думают о научной карьере? // Мониторинг инновационного поведения населения [НИУ ВШЭ]. Информационный бюллетень. 2015. № 1. URL: <https://issek.hse.ru/data/2015/04/22/1095478449/Отношение%20россиян%20к%20карьере%20в%20сфере%20науки.pdf>.

- Проскурина (Яворович) 2002 — *Проскурина (Яворович) М. М.* Феминизация науки как социологическая проблема // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 72–76.
- Прохоров 2010 — *Прохоров А. В.* Соотношение корпоративной и академической культур в современном университете // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 10 (90). С. 179–184.
- Пушкарева 2006 — *Пушкарева Н. Л.* Женщины-ученые в российском постсоветском фольклоре // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 39–59.
- Пушкарева 2012a — *Пушкарева Н. Л.* Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 1 (18). С. 228–245.
- Пушкарева 2012b — *Пушкарева Н. Л.* Наука — не женское дело? К истории феминизации российской науки в начале XXI века // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2. С. 105–121.
- Пушкарева 2016 — *Пушкарева Н.* Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских учёных в 1921–1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69–83.
- Пушкарева 2021 — *Пушкарева Н. Л.* Труд и отдых женщин-ученых в советской и постсоветской России в оценках их самих // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 98–105. <https://doi.org/10.31857/S086954150015498-7>.
- Пушкарева, Секенова 2020 — *Пушкарева Н. Л., Секенова О. И.* «Занималась хозяйством»: домашние помощницы в повседневной жизни женщин-историков первой половины XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4 (51). С. 15. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2020-4-5-15>.
- Саралиева, Балабанов 2002 — *Саралиева З. Х.-М., Балабанов С. С.* Воспроизводство научно-педагогических кадров: гендерный аспект // Социологические исследования. 2002. № 11 (223). С. 110–119.
- Темницкий 2018 — *Темницкий А. Л.* Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России // Вестник Института социологии. Т. 9. № 3. 2018. С. 122–142. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.529>.
- Berger 1990 — *Authors of their own lives: Intellectual autobiographies by twenty American sociologists* / Ed. by B. M. Berger. Berkeley, CA: Univ. of California Press, 1990.
- Berger 2000 — *Berger B. M.* Autobiographien: Soziologie der Soziologen // Alhei P., Andrews M., Behrens J. Biographische Sozialisation / Ed. by E. M. Hoerning. Stuttgart: De Gruyter, 2000. S. 21–32. <https://doi.org/10.1515/9783110510348-003>.
- Bourdieu 1998 — *Bourdieu P.* Homo academicus / Trans. by P. Collier. Stanford: Stanford Univ. Press, 1988.
- Bude 1990 — *Bude H.* Das Altern einer Generation. Die Jahrgänge 1938–1948. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1990.
- Shils 1981 — *Shils E.* Tradition. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981.

References

- [Andreenkova, A. V.] (2009). *Otchet “Sovremennoe pokolenie uchenykh: tsennosti, motivatsiia, stil’ zhizni”* [Report “The modern generation of scientists: values, motivation, lifestyle”] (Center for Applied Research and Programs) (n. e.). http://www.inop.ru/files/5_2_2008_195.pdf. (In Russian).
- Berdashkevich, A. P. (2000). Rossiiskaia nauka: sostoiianie i perspektivy [Russian science: state and prospects]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2000(3), 118–123. (In Russian).
- Berger, B. M. (Ed.) (1990). *Authors of their own lives: Intellectual autobiographies by twenty American sociologists*. Univ. of California Press.

- Berger, B. M. (2000). Autobiographien: Soziologie der Soziologen. In P. Alhei, M. Andrews, & J. Behrens. *Biographische Sozialisation* (E. M. Hoerning, Ed.) (pp. 21–32). De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110510348-003>.
- Bondarev, A. V. (2014). Vklad E. S. Markariana v stanovlenie otechestvennykh kul'turogeneticheskikh issledovaniy [Contribution of E. S. Markaryan to the formation of domestic cultural genetic research]. In A. V. Bondarev (Ed.). *Kul'turogenez i kul'turnoe nasledie* (pp. 31–55). Tsentr gumanisticheskikh initsiativ. (In Russian).
- Bourdieu, P. (1998). *Homo academicus* (P. Collier, Trans.). Stanford Univ. Press.
- Bude, H. (1990). *Das Altern einer Generation. Die Jahrgänge 1938–1948*. Suhrkamp.
- Burko, V. A., & Vasserman, Y. M. (2022). Modernizatsionnyi sindrom i doverie kak faktory dispoziitsionnoi struktury: vzaimosv'яз' v aspekte mezhpokolennykh osobennostei [Modernization syndrome and trust: interrelation in the aspect of intergenerational characteristics]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2022(3), 52–63. <https://doi.org/10.31857/S013216250017388-9>. (In Russian).
- Dolgova, E. A., & Streltsova, E. A (2019). “Dobro pozhalovat' v klub”: polozhenie zhen'shchin v sovetskoi nauke 1920-kh godov [“Welcome to the club”: position of women in Soviet science in the 1920s]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2019(2), 97–107. <https://doi.org/10.31857/S013216250004014-8>. (In Russian).
- Komarova, G. A. (Ed.) (2013). *Antropologiya akademicheskoi zhizni: traditsii i innovatsii* [Anthropology of academic life: traditions and innovations]. IEA RAN. (In Russian).
- Komarova, G. A. (2016). Antropologiya akademicheskoi zhizni: opyt integratsii nauk [Anthropology of academic life: experience of integration of sciences]. In G. A. Komarova (Ed.). *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoi etnologii* (pp. 224–246). IEA RAN. (In Russian).
- Marshak, A. L., & Rozhkova, L. V. (2015). *Zhiznennyi uspekhi v predstavleniiakh rossiiskoi molodezhi* [Success in life in the views of Russian youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015(8), 157–160. (In Russian).
- Meshcherkina, E. (1996). Vvedenie v antologiyu muzhskoi zhizni [Introduction to the anthology of men's life]. In V. Semenova, & E. Foteeva (Eds.). *Sud'by liudei: Rossiia XX vek: Biografii semei kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniia* (pp. 298–325). Institut sotsiologii RAN. (In Russian).
- Polyakova, V. V., & Chernovich, E. M. (2015). Chto rossiiane dumaiut o nauchnoi kar'ere? [What do Russians think about a scientific career?]. *Informatsionnyi biulleten' [of HSE University]*, 2015(1). <https://issek.hse.ru/data/2015/04/22/1095478449/Отношение%20россиян%20к%20карьере%20в%20сфере%20науки.pdf>. (In Russian).
- Prokhorov, A. V. (2010). Sootnoshenie korporativnoi i akademicheskoi kul'tur v sovremennom universitete [Correlation of corporate and academic cultures of modern university] // *Vestnik Tambovskogo universiteta, Ser. Gumanitarnye nauki*, 2010(10, no. (90)), 179–184. (In Russian).
- Proskurina (Yavorovich), M. M. (2002). Feminizatsiya nauki kak sotsiologicheskaya problema [Feminization of science as a sociological problem]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2002(3), 72–76. (In Russian).
- Pushkareva, N. L. (2006). Zhenshchiny-uchenye v rossiiskom postsovetskom fol'klore [Women scientists in Russian post-Soviet folklore]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006(4), P. 39–59. (In Russian).
- Pushkareva, N. L. (2012a). Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1810–1917 gg. [Women-historians in Russia in 1810–1917]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*, 2012(1, no. 18), 228–245. (In Russian).
- Pushkareva, N. L. (2012b). Nauka — ne zhenskoe delo? K istorii feminizatsii rossiiskoi nauki v nachale XXI veka [Science is not a female business? To the history of the feminization

- of Russian science at the beginning of the 21st century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istoriia*, 2012(2), 105–121. (In Russian).
- Pushkareva, N. (2016). *Kогда zarplaty byli bol'shimi: material'noe pooshchrenie sovetskikh uchennykh v 1921–1953 gg.* [When salaries were really big: material incentives for Soviet scientists, 1921–1953]. *Rossiiskaia istoriia*, 2016(6), 69–83. (In Russian).
- Pushkareva, N. L. (2021). *Trud i otdykh zhenshchin-uchennykh v sovetskoj i postsovetskoj Rossii v otsenkakh ikh samikh* [Work and leisure of women scholars in Soviet and post-Soviet Russia as assessed by themselves]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021(3), 98–105. <https://doi.org/10.31857/S086954150015498-7>. (In Russian).
- Pushkareva, N. L., & Sekenova, O. I. (2020) “Zanimalas' khoziaistvom”: domashnie pomoshchnitsy v povsednevnoi zhizni zhenshchin-istorikov pervoi poloviny XX v. [“Doing housework”: domestic workers in everyday life of women-historians of the 1st half of the 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia*, 2020(4, no. 51), 5–15. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2020-4-5-15>. (In Russian).
- Saralieva, Z. Kh.-M., & Balabanov, S. S. (2002). *Vosproizvodstvo nauchno-pedagogicheskikh kadrov: gendernyi aspekt* [Reproduction of scientific and pedagogical personnel: a gender aspect]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2002(11, no. 223), 110–119. (In Russian).
- Shils, E. (1981). *Tradition*. Univ. of Chicago Press.
- Temnitskiy, A. L. (2018). Tsennosti zhiznennogo uspekha i ikh voploshchenie u rabotaiushchego naseleniia Rossii [Life success values and their fulfillment for Russia's working population]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 9(3), 122–142. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.529>. (In Russian).
- Val'kova, O. A. (2012). Gosudarstvennaia politika v sfere professional'nogo nauchnogo truda zhenshchin v Rossii: konets XIX veka — 30-e gody XX veka [State policy in the field of professional scientific work of women in Russia: the end of the 19th century — the 30s of the 20th century]. In A. N. Dmitriev (Ed.). *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovaniia i nauchnoi politiki v Rossiiskoi imperii — SSSR* (pp. 809–848). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Vasserman, Yu. M. (2004). Analiz sotsiokul'turnykh posledstviu modernizatsii rossiiskogo obshchestva (nekotorye rezul'taty pilotazhnogo issledovaniia) [Analysis of the socio-cultural consequences of the modernization of Russian society (some results of a pilot study)]. In V. N. Stegnii (Ed.). *Uchenye zapiski gumanitarnogo fakul'teta* (Vol. 7, pp. 225–239). PGU. (In Russian).
- Vozmitel, A. A. (2021). Ob'ektivnye i sub'ektivnye kharakteristiki uspekha postsovetskoi stolichnoi molodezhi [Objective and subjective characteristics of the success of post-Soviet youth]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 12(4), 67–86. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.4.751>. (In Russian).

Информация об авторе

Наталья Львовна Пушкарёва

доктор исторических наук
главный научный сотрудник,
заведующая Центром гендерных
исследований, Институт этнологии
и антропологии им. Н. Н. Миклухо-
Маклая РАН

Россия, 119334, Москва, Ленинский
пр-т, д. 32а

✉ pushkarev@mail.ru

Information about the author

Natalia Lvovna Pushkareva

Dr. Sci. (History)
Chief Researcher, Head of the Center
for Gender Studies, The Russian
Academy of Sciences Miklouho-Maklay
Institute of Ethnology and Anthropology
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, 32a

✉ pushkarev@mail.ru